

Иллюстрации: ОВД-Инфо

01.03.2019, 13:42 **Вся Россия**

СТАТЬИ

Тюрьма изнутри: люди, камеры, цифирь

Что вас ждет в микроавтобусе ФСБ и камере СИЗО? Стоит ли прыгать с верхней шконки на играющих в шахматы? Как проходят свидания в изоляторе? ОВД-Инфо вместе с четырьмя бывшими политзаключенными **Алексеем Гаскаровым, Александром Марголиным, Дмитрием Борисовым** и **Исмаилом Рамазановым** рассказывает о том, как устроено тюремное заключение и что ему предшествует.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

ЗАДЕРЖАНИЕ

Если вы стали подозреваемым по уголовному делу, то к вам заявятся с обыском в самый неподходящий для вас момент. Чаще всего — рано утром. Так два разных процессуальных действия, обыск и задержание, будут совмещены. Потом вас сразу повезут и на третье — допрос.

Дмитрия Борисова задерживали в частном доме родителей:

Приехали очень рано, в районе половины восьмого. Меня мама разбудила словами: «Полицейские вокруг дома». Было их человек 15. Я понял, что скорее всего за мной. Вины не чувствовал, но понимал, что приехали всерьез. У них был с собой таран для вышибания дверей. Он не пригодился, мама открыла. Я поднялся на третий, недостроенный, этаж, потому что хотел попросить друзей приехать, чтобы не было беспредела. Не успел написать адрес, так как поднялся полицейский — он схватил телефон, потащил меня вниз. Потом меня повезли на допрос в Следственный комитет. Следователь задавал вопросы, но я отказывался отвечать, ссылаясь на 51-ю статью Конституции. В целом вели они себя нормально, позволяли курить, даже посоветовали вещи теплые с собой взять, когда из дома увозили».

Исмаил Рамазанов, увидев ночью в своей комнате вооруженных людей в камуфляже, сначала подумал, что это грабители. Но затем на него надели наручники и стали бить. Тогда он понял, что это не ограбление, а задержание.

— Меня посадили в кресло, никого из родных не пускали в комнату, — рассказывает Рамазанов. — Я попытался на крымскотатарском языке докричаться до родителей, сообщить, что меня бьют. В ответ меня снова начали бить. Один из сотрудников ФСБ взял полотенце, лежавшее у кровати, и стал меня им душить. Руки были пристегнуты наручниками сзади за спиной.

Затем Рамазанова, по его словам, отвели в микроавтобус, где лежала кирка или нечто, что он принял за кирку. «Будешь возникать — изнасилуем тебя этой палкой и скажем, что так и было», — сказал сотрудник ФСБ Артур Шамбазов. Потом задержанного называли «черномазым» и снова стали избивать. Сотрудники ФСБ чередовали

вопросы с избиениями, то клали Рамазанова на пол и прыгали на его спине ногами, то поднимали на сиденье и принимались расспрашивать.

ИВС И СУД

В течение 48 часов с момента задержания, если вас допросили в качестве подозреваемого, суд должен избрать меру пресечения. Вас могут отправить в следственный изолятор, поместить под домашний арест либо ограничить подпиской о невыезде. Для этого следствие представляет суду краткую выжимку доказательств, которыми уже обладает, и обосновывает необходимость меры пресечения.

Скорее всего, суд согласится с вариантом, предложенным следствием. Бывает и так, что суду оказывается недостаточно доказательств. Тогда он продлевает срок задержания, давая возможность следствию дополнить ходатайство. Так **было**, например, с математиком и анархистом Азатом Мифтаховым, причем дважды за неделю.

Как вспоминает Исмаил Рамазанов, после избиений при задержании он не мог идти сам, поэтому в зал суда его затащили сотрудники ФСБ. Сидеть было больно, но пришлось сидеть. Рамазанов сказал судье, что его били и сломали пальцы, и указал на сотрудника, который применял к нему насилие — он как раз находился в зале в этот момент. Судья ответила, что Рамазанов не может показывать сейчас на тех, кто его бил, так как суд не рассматривает вопрос о применении к нему насилия. Исмаил потребовал врача, но скорую никто не вызвал.

Дальше, как рассказывает Рамазанов, все было быстро: «Все прошло практически в одностороннем порядке. Суд совместно с ФСБ приняли решение отправить меня

в СИЗО. Обратно на ИВС (изолятор временного содержания — *ОВД-Инфо*) меня везли сотрудники ФСБ Шамбазов и Максименко. Они снова меня запугивали, говорили, что сегодня у меня еще есть шанс поспать на нормальных нарах, а в СИЗО я попаду в камеру к армянам. Мол, они договорились, что меня поместят в такую камеру, и мне там «найдут применение», говорили: «Там таких, как ты, черномазых очень любят».

Время между задержанием и СИЗО человек проводит в ИВС. По словам Борисова, в ИВС его постоянно перекидывали из камеры в камеру:

На ИВС на Петровке я просидел два или три дня. Меня «килишивали», успел посидеть в трех камерах. В первой со мной сидел простой приятный мужик, вроде как по пьянке у кого-то что-то отобрал, достаточно позитивный. А потом перевели к старому сидельцу, у него была уже седьмая ходка. Тоже нашли с ним общий язык. Он меня угостил бутербродом с кубиком приправы Knorr, было очень вкусно, и сигаретами поделился.

СИЗО И ХАТА

Антифашист Алексей Гаскаров бывал в СИЗО дважды: в 2010 году по делу о разгроме администрации Химок и в 2013-м по «Болотному делу». В 2010-м сотрудники подмосковного Центра по противодействию экстремизму задержали Гаскарова, потому что он был известным антифашистом. Он просидел несколько месяцев в изоляторе, а потом вышел на свободу. Но в 2013-м его снова задержали, спустя год после событий на Болотной площади. На этот раз его осудили и приговорили к трем

с половиной годам лишения свободы. Впечатления Алексея от двух визитов в СИЗО разнятся:

В первый раз довольно яркое ощущение было, что попадаешь в какое-то говно. С потолка плесень, грязь, стремные люди вокруг. Первое впечатление: все время, что ли, жить в таких условиях? Не будет перед глазами нормальной картинки? Возникает чувство, что единственное спасение от всего этого — внутренне замыкаться, абстрагироваться от всего, что видишь. Стараешься вообразить больше. Когда в 2013 году меня во второй раз арестовали и я попал на «Водник», подумалось, что это ненастоящая тюрьма. Телек с большим экраном, однарусные кровати, туалет чистый.

Человек, впервые оказавшийся в СИЗО, вряд ли хорошо представляет себе, где он и что его ждет. В голове всплывают какие-то стереотипы или обрывки фильмов про тюрьму, отдельные реплики или слова, имеющие отношение к тюремной субкультуре.

— Я вспоминал какие-то байки, — рассказывает Дмитрий Борисов. — Вспомнил: если кто-то играет в шахматы, пока ты спишь, ты должен зверски прыгнуть на стол и раскидать эти шахматы. Это настолько дикий совет, как будто он специально создан, чтобы жизнь усложнить. Еще вспомнил фильм с Гошей Куценко. Человек встречался с вором в законе и имел неосторожность при нем плюнуть на пол. Вор ему сказал: «В хате-то плевать нельзя», — и это обернулось фатальными последствиями для человека. Не знаю, насколько эффективны эти советы, но и так понятно же, что в хате плевать на пол не надо. Ты же не будешь плевать и у себя дома на пол.

Вот сотрудник ФСИН снимает с двери в камеру верхнюю замыкающую цепочку, вставляет ключ в замок, проворачивает и открывает дверь перед новеньким. Впереди — хата.

— Открываются тормоза и я вижу людей, стоящих полукругом перед входом в камеру, — вспоминает Борисов. — Они здороваются со мной доброжелательно. Предлагают чифирь. Это такая традиция, за приезд или за отъезд поднимается кружка чифиря, по кругу, каждый выпивает дважды. «Добро пожаловать. Хата у нас братская, светлая, обращайтесь за помощью, не пугайтесь, особо не напрягайтесь, вы дома», — говорят.

ЛЮДИ

СИЗО — это удивительное место, где вы встретите удивительных людей, которых вы вряд ли встретили бы в своей свободной жизни. Фигуранты громких уголовных дел всегда становятся героями новостей, а бывает — и целых медийных кампаний. Сегодня вы увидите по телевизору драку футбольных фанатов с полицейскими в Бирюлеве, а через неделю обвиняемый по этому делу переступит порог вашей хаты. Но и без знаменитостей из криминальной хроники СИЗО — калейдоскоп жизней. Виновные и невиновные, убийцы и контрабандисты, балетмейстеры, мэры, префекты, адвокаты, активисты и все-все-все.

Исмаил Рамазанов рассказывает, что в каждой камере симферопольского СИЗО, в которой он сидел, находился кто-то из крымскотатарских политзаключенных. Про кого-то из них он слышал, будучи еще на воле, а с чемпионом Украины по тхэквондо Узеиром Абдуллаевым даже встречался на спортивных сборах. В СИЗО Абдуллаев сильно болел, и Исмаил пытался помочь ему, требуя от ФСИН привести врача. Но медпомощь не оказывали. Рамазанов считает, что его перевели из этой камеры

в другую именно из-за постоянных жалоб на отсутствие врача.

Фигурант «Болотного дела» Александр Марголин попал в московский СИЗО № 5 «Водник» уже с опытом административного ареста за акцию 5 декабря, а также после 12 дней на ИВС и десяти дней в карантинной камере. Когда он попал в хату, где просидел весь следующий год, эффект новизны уже притупился.

— Перенаселения не было, 8 человек поначалу, потом добавили шконок, стало 14, — вспоминает Марголин.
— Сокамерники как обычно: 228-я — наркотики, один мошенник, у кого-то «хулиганка». В основном, приезжие. Был один прибалт, взяли его с кокаином. Хотя он больше по другой теме был — сигареты в Евросоюз таскал. С ним было интересно разговаривать. Еще был мужичок-киргиз. Он был пластическим хирургом, потом попал в автоаварию, сломал руки и ушел в мошенники. В шахматы много играли.

Алексей Гаскаров, попав в камеру, столкнулся с сильным желанием оперативников ЦПЭ узнать, кто же заказал погром в Химках. К Гаскарову приходили разные люди, которые представлялись «блатными» или «авторитетами». Они спрашивали, сколько ему заплатили, говорили, что кто-то должен «ответить за беспредел» и что «воровской сходняк обеспокоен кипишем в Химках», и что этот «кипиш» спровоцировал активность милиции, из-за чего воры терпят убытки.

Так конфликт с сидельцами описан в **книге** Петра Силаева «Корреспондент Гаскаров в аду и другие истории»:

Гаскаров стал ждать черной метки — и уже очень скоро она постучалась в окно. По «дороге» пришла записка, официально уведомляющая его о том, что сегодня на прогулочном дворе с ним состоится «серьезный разговор». Леша оглядел свою камеру. Это было глупо, смешно и противно — неужели это действительно конец?

Но никакого «серьезного разговора» не случилось, потому что началась международная кампания в защиту «химкинских заложников» и давление на Гаскарова в СИЗО прекратилось.

ПЕРВОЕ КРАТКОСРОЧНОЕ СВИДАНИЕ

Отправляя человека в СИЗО, государство предполагает, что он будет изолирован от связей с внешним миром. По закону следователь может разрешить свидания с родными один раз в два месяца. Свидания происходят без физического контакта, через стекло, как в американских фильмах. Разговор транслируется через трубки связанных между собой телефонов.

— Меня долго следак морозил, месяца три или четыре у меня не было свиданий, — рассказывает Александр Марголин. — Потом стали давать. Приходили по очереди — жена с детьми и родители. Надо ли было детей в тюрьму водить — вопрос для меня сложный. Это сильно зависит от возраста, от того, как дети воспринимают это все. Сильно зависит от СИЗО. На «Матросской тишине» огромный зал, на «Бутырке» тоже более-менее приличные. На «Воднике» — одни клетушечки, еще арестанты курят. Объем небольшой — если во второй группе идешь на свидание, а не в первой,

то там надышано и накурено, кислорода нет. Свидание — это, конечно, эмоциональный удар. На «Воднике» были свидания по утрам. Часов до трех или четырех меня колбасило, потом я засыпал, просыпался на вечернюю проверку, а после нее снова спать ложился. Фактически сутки выпадали.

У Дмитрия Борисова первое свидание было с мамой:

Очень рад был, конечно. Тебя отводят на другой корпус, сначала на сборке тусуешься, ждешь, пока тебя не вызовут в кабинку, где проходит свидание. Немножко волнуешься. Многие начинают грустить именно после свидания. Некоторые даже отказываются от свидания, потому что их охватывает негатив. У меня бывало, но это была легкая грустинка. Блюзовая светлая грусть. Свидание — это глоток свободы, от свободных людей подпитываешься очень сильно. Мама волновалась, не бьют ли меня, не вытирают ли мной пол. Ну мама всегда так.

ЭТАП И ЗОНА

За месяцы в изоляторе заключенный привыкает к своей камере и начинает ассоциировать ее с домом.

Возвращаясь после заседаний судов или следственных действий в изолятор, он про себя поторапливает водителя автозака, чтобы тот быстрее доехал. И даже кислый запах баланд, и шум «тормозов», запирающих вас в хате, и лица «продольных» в форме — все становится привычным, успокаивающим, комфортным. Поэтому уезжать в колонию после приговора, в неизвестность — волнительно.

Перемещение заключенного из учреждения в учреждение называют этапом, этап на зону — это «**Большой этап**». Обычно ФСИН не сообщает человеку, куда его везут, но по косвенным признакам можно догадаться хотя бы о направлении. Автозак привозит заключенных на вокзал, там сажают в специальный вагон, затем состав едет в область, там заключенных выгружают, снова сажают в автозак, доставляют в местный СИЗО, где они начинают ждать попутного этапа в колонию. В областном изоляторе заключенный может просидеть еще пару недель, пока не окажется наконец в зоне.

Алексея Гаскарова отправили в колонию в конце декабря:

Меня выдернули прямо перед Новым годом, я его, считай, в «этапке» на зоне встречал. Стандартное купе, народу много, 14 человек. Собаки, перебежки, люди, которые едут неизвестно куда. Я взял с собой еды, потому что казалось, что мы можем надолго в областном СИЗО зависнуть из-за праздников. А остальные так не сделали. В первый день мы съели все, что было, в итоге Новый год у нас был из черного хлеба и баланды. Там было забавно, вся эта атмосфера, все эти люди в форме нелепой, блаткомитет, который приносит «грев», поздравляет: конфеты, чай, печенье. Это все было как будто ты не свою жизнь живешь сейчас.

Александр Марголин уезжал из московского СИЗО примерно в то же время, что и Гаскаров:

Мне приходит по «дороге» малява от Гаскарова о том, что нас «заказали». Я думаю: «Этап — наконец-то!» Сидишь в «дне сурка», а тут этап. Я два года просидел на десяти метрах и уже очень хотел в зону. Ну и всегда на что-то надеешься, на УДО, например. Воздух чистый, опять же. А меня не заказывают. Тяну продольного. «Тебя не заказали», — говорит. Еще две недели с лишним просидел, было странно. Потом все-таки заказали и меня. Я постригся наголо, начал готовиться. У меня три мошенника в хате сидели, продуктов было дофига. Я уехал с двумя баулами одежды и еды.

— Визуально колония лучше, чем СИЗО, — рассказывает Алексей Гаскаров. — Но первое впечатление — непонятно, как тут можно долгое время провести. Как вообще тысяча человек могут жить на такой сравнительно небольшой территории. И потом, когда в отряд зашел, мне стало жутко: много народу, тесно очень, и ощущение, что некуда себя деть. Первую неделю я офигевал. Менты заходят постоянно, и первое время спишь на самых неудобных местах, там рядом какой-нибудь «расход» стоит, кричит постоянно.

Дмитрия Борисова отправили в колонию, хотя ему оставалось сидеть меньше месяца. До колонии он так и не доехал: его оставили досиживать последние дни в одиночной камере белгородского СИЗО:

Мне там было тяжело, не хватало общения, одному сидеть реально тяжело. До колонии я не доехал, но дух «красных» лагерей я там почувствовал уже с первых шагов. Когда мы приехали только, нас закинули на сборку, и вроде помещение старое, провинциальное, деревянные неровные полы, но при этом все очень чисто и вылизано. Это меня на сборке сразу напрягло, и, как оказалось, не зря. Мы закурили, к нам забежал сотрудник ФСИН, схватил одного молодого белоруса с какой-то смешной статьей вроде 228–1, выволок в коридор. Мы слышали, как его избивали просто за то, что он закурил в неподобающем месте. По сравнению с «Бутыркой» и «Водником» дикость была адская. Потом забежали, схватили другого парня, спортивного такого, мы слышали такие сильные крики, через железные двери отчетливо и стрекот электрошокера. Белгородский централ — это какая-то жуть, цветочки-василечки снаружи, а внутри — адище, «красный». Кто-то бывалый предположил, что этого здоровяка таким образом хотят затянуть в свой упырьский мирок, чтобы потом он сам в хозотряде уже осуществлял «приемки».

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Зудящая мысль об освобождении постоянно донимает заключенного. Каждый хочет освободиться, хотя это и страшно, как первое свидание с возлюбленной. И чем ближе к освобождению — если вы знаете точную дату — тем сложнее сдерживаться, терпеть и ждать. Дмитрий Борисов вышел по окончании срока, Александра Марголина освободили по УДО, Исмаила Рамазанова отпустили после декриминализации 282-й статьи УК из симферопольского СИЗО, а Алексей Гаскаров освобождался в первый раз из-за полного отсутствия

доказательств его вины, во второй — уже с зоны, отсидев полный срок.

— Во второй раз совсем эйфории не было, — вспоминает Гаскаров. — Я ориентировался на время, когда все обычно выходят. В итоге меня вывели на час раньше, я не успел со всеми попрощаться, вещи собрать. Визуально все меняется резко. Мы стояли на том месте на свободе, которое я все время в окно видел из корпуса в колонии. Первым увидел здание, где надо было получать паспорт. Вышел на свободу уже в гражданке, заранее «затягивал» себе одежду.

Дмитрию Борисову освободиться спокойно не дали:

Меня встречали друзья, семья у белгородского СИЗО. Но фсиновцы решили напоследок заподляночку сделать: вывели меня не с того выхода, где ожидают, и в добровольно-принудительном порядке повезли на вокзал. На гражданской машине меня вез какой-то полицейский. Он объяснил: «Мы особо опасных преступников до границы области провожаем». Долго не давал мне телефон, чтобы позвонить. Говорил: «Сначала купи билет, а потом видно будет». А я понимаю, что меня ждут и найти не могут. Родственники подняли шум. Тогда ему позвонил кто-то, и после этого звонка он тут же дал мне трубку, я набрал родным. Потом все приехали на вокзал. Ощущения эйфории не было. Я был рад, конечно, но включился режим экономии эмоций.

А Александр Марголин говорит, что при освобождении «подельника» он волновался больше, чем при своем собственном:

У нас в бараке было место специальное, где можно было помыться. Я помылся дважды. Собрал стол, раздал оставшиеся вещи. Выходил с баулом книг и писем. Сильной эйфории не было. Мне говорили: «Ты освобождался, словно только что зашел». Может, возраст сыграл уже. Была зима, снег лежал. Заморачивали вопросами, полчаса точно это заняло. Год, дата рождения, когда арестовали, какой суд, когда приговор. Там было темно, я выхожу, а на улице снег и солнце, и мне в глаза со всех сторон, и с неба, и от снега. Я вижу — там вдалеке люди стоят, их отогнали от входа. Вижу — пятна вдалеке.

— Когда мне сказали, что меня освободят, я особо этому не поверил, — рассказывает Исмаил Рамазанов.

— Подумал, что это какая-то афера, готовился к худшему сценарию. Суд не продлил мне меру пресечения.

Отпустить меня решили в пятницу, так как день освобождения попадал на воскресенье. Утром сказали: «Собирайтесь на выход». В Крыму уже бывали истории, когда ребята освобождались и пропадали без вести.

Поэтому все были начеку, меня должны были встретить активисты «**Крымской солидарности**». Но все ждали-то, что меня в воскресенье освободят. Когда передо мной открылась последняя дверь СИЗО, я увидел «маски» — спецназовцы, с овчарками. Проскочила мысль, что меня сейчас скрутят и увезут. А они просто ждали, пока дверь откроется, чтобы зайти внутрь — мы случайно встретились в дверях.

```
[class^="tooltip"] { position: relative; border-bottom: 1px dashed #F04E23;
cursor: pointer; } [class^="tooltip"]:after { opacity: 0; visibility: hidden;
position: absolute; content: attr(data-tooltip); padding: 6px 10px; top: 1.4em;
left: 50%; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(-2px); transform:
translateX(-50%) translateY(-2px); background: grey; color: white; white-
space: pre-wrap; z-index: 2; border-radius: 2px; font-size: 14px; line-height:
20px; -webkit-transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -
webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity
```

```
0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); } [class^="tooltip"]:hover:after { display: block; opacity: 1; visibility: visible; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(0); transform: translateX(-50%) translateY(0); } .tooltip--left:after { top: -4px; left: 0; -webkit-transform: translateX(-112%) translateY(0); transform: translateX(-112%) translateY(0); } .tooltip--left:after { -webkit-transform: translateX(-110%) translateY(0); transform: translateX(-110%) translateY(0); } .tooltip--right:after { top: -4px; left: 100%; width: 320px; -webkit-transform: translateX(12%) translateY(0); transform: translateX(12%) translateY(0); } .tooltip--right:after { -webkit-transform: translateX(10%) translateY(0); transform: translateX(10%) translateY(0); } .tooltip--triangle:before { content: ""; width: 0; height: 0; border-left: solid 5px transparent; border-right: solid 5px transparent; border-bottom: solid 5px grey; opacity: 0; visibility: hidden; position: absolute; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(-2px); transform: translateX(-50%) translateY(-2px); top: 1.1em; left: 50%; -webkit-transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); z-index: 3; } .tooltip--triangle:after { display: block; opacity: 1; visibility: visible; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(0); transform: translateX(-50%) translateY(0); }
```

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ